

Бергсон и интуитивное знание

Алан Шепард *

Аннотация

Французский философ Анри Бергсон утверждал интуицию как ключевой метод метафизики и как способ помочь нам найти смысл в жизни. В связи с этим он утверждал, что наша жизнь и опыт могут в определённые моменты касаться абсолютной реальности, позиция, которая резко контрастирует с взглядом Канта, что реальность-в-себе непознаваема, а наш опыт ограничен тем, как вещи являются нам. Философия Бергсона также противостоит таким течениям, как позитивизм, которые отвергают субъективное или интуитивное знание как бессмысленное. В то время, когда такие течения мысли вместе с большим прогрессом в научном знании подорвали реальность нашего опыта и статус интуитивного или субъективного знания, философия Бергсона, начинающаяся с его оригинальных прозрений о природе времени, принадлежит к тем, которые утверждают, что наш опыт должен быть включён в нашу философскую картину вещей наряду с объективной или научной истиной.

Введение: Интуиция как ключ к метафизике

Несмотря на доминирование концептуальных, научных или интеллектуальных форм знания, мы можем обнаружить, что они ограничены и неудовлетворительны как сумма того, что мы можем знать. А как насчёт эмоциональных, опытных, художественных или духовных форм знания? Наше собственное понимание жизни требует более полного способа познания, чем философия часто допускает, знания, укоренённого в сердце и душе, а также в уме. На самом глубоком уровне наша связь с реальностью является личной. То, что предоставляет Бергсон, — это объяснение того, почему чувствуемая истина, или интуиция, существенна для философии и фактически является принципиальным средством, с помощью которого мета-

физика продвигается. Как отмечает Бергсон, это метод, через который мы непосредственно обращаемся к «проблемам, которые мы имеем наиболее глубоко в сердце, тем, которые тревожат человеческий ум с тревожной и страстной настойчивостью. Откуда мы? Что мы такое? Куда мы стремимся?»

Противостояние Канту

Для Канта реальность в себе была чем-то вроде хаоса за пределами порядка и смысла, наложенных на неё структурой нашего ума. Наше знание и опыт ограничены работой в этой преформированной области. В противоположность Канту, однако, философия Бергсона стремится восстановить возможность прямой интуиции в реальность и, таким образом, возможность того рода метафизики, которую Кант отрицал. В то время как для Канта время является

Современная зарубежная философия
Выпуск 4
Москва, 2026
Кафедра философии РГГУ-МСХА

одной из категорий человеческого ума, которые структурируют наш опыт, для Бергсона длительность времени является абсолютной реальностью, и, как первый шаг, мы можем знать в нашем непосредственном сознании длительность нашей внутренней жизни непосредственно. С этой основы, через свои четыре основные работы, он открывает новый путь к интуиции, который он углубляет и расширяет по мере прогресса своей философии, за пределы нашей собственной жизни к жизни вообще и к жизненному принципу всех вещей.

Длительность и свобода

Первая книга Бергсона — «Время и свобода воли» (1889). В ней он развивает своё понятие «длительности»: что проживаемое, испытанное время является реальностью и что не было бы последовательности без сохранения прошлого в сознании. Часовое время, или время физики, происходит из этого более фундаментального времени, и хотя оно действительно и полезно для повседневной жизни, здравого смысла и научного знания, оно в конечном счёте относительно практических целей, а не абсолютно реально. Бергсон описывает его как время, спроецированное в пространство, то есть вместо того чтобы интуировать и испытывать время как непрерывную длительность абсолютной новизны, мы разделяем моменты времени и располагаем их рядом, как точки в идеальном пространстве, и считаем их, как если бы каждый был одинаковым и один момент заменял другой. Когда мы измеряем время таким образом, мы абстрагируем его сущность, которая состоит в том, чтобы течь.

«Бергсон думал, что Кант совершил ошибку, рассматривая только эту пространственную форму времени, относясь к ней только как к форме нашего восприятия, а не как к реальности в себе».

Бергсон думал, что Кант совершил ошибку, рассматривая только эту пространственную форму времени, относясь к ней только как к форме нашего восприятия, а не как к реальности в себе. Более того, поскольку существует некое единство времени и сознания, эти два аспекта времени также являются двумя аспектами того, как мы испытываем нашу жизнь. Существуют, как выражается Бергсон, «два разных Я, одно из которых является, так сказать, внешней проекцией другого, его пространственным и, так сказать, социальным представлением». У нас может быть идея, что каким-то образом, где-то на заднем плане, каждый момент нашей жизни, наши чувства и наш опыт совершенно новы и уникальны, никогда не проживались раньше и не будут прожиты снова. Но большую часть времени мы не можем видеть это таким образом, поскольку мы слепо следуем привычкам и рутинам, видя настоящее и будущее в терминах прошлого, удовлетворяя потребности практических целей и необходимости, которые занимают большую часть нашей жизни. Наши сопутствующие привычки мысли скрывают непредсказуемую новизну.

В интуиции длительности нашей внутренней жизни, напротив, когда мы отбрасываем эти практические привычки мысли, мы можем схватить часть реальности в себе. Это Я свободно, потому что мы живы здесь и сейчас, наше прошлое сконцентрировано в настоящем, в соприкосновении с новизной времени и

открытостью будущего. Бергсон признаёт, что такие моменты редки и что именно поэтому мы редко свободны: «Большую часть времени мы живём вне себя, едва воспринимая что-либо от себя, кроме нашего собственного призрака, бесцветной тени, которую чистая длительность проецирует в однородное пространство».

Материя и память

В своей второй книге «Материя и память» (1896) предметом Бергсона является проблема души и тела, и он излагает новую форму дуализма, временной дуализм. Его идеи о времени и интуиции расширяются за пределы нашего свободного действия в настоящем через исследование памяти. Для Бергсона память — это «пересечение ума и материи». Тело и мозг являются частью материального мира, где вещи не истинно делятся, где причина и следствие происходят по необходимости и где будущее состояние материального мира теоретически могло бы быть прочитано в его настоящем; в отличие от живых существ, инертная материя не имеет необратимого существования в потоке времени. Именно в сознании прошлое сохраняется и продлевается в настоящее, актуальное; в «чистой памяти» все детали прошлого сохраняются, хотя в основном бессознательно. Бессознательно, потому что, чтобы удовлетворить потребности жизни, реализуются только те воспоминания, которые полезны для настоящего.

«Нервная система является взаимодействием физических элементов, и поэтому само сознание не может быть порождено ею».

Бергсон, таким образом, противопоставляет доминирующему взгляду, что воспоминания хранятся в мозге. Повреждение мозга, несомненно, влияет на воспоминания, но для Бергсона сами воспоминания не уничтожаются; скорее, механизм связывания их с моторной активностью неисправен. В настоящем действию наша память вставляет себя в «ткань событий», подготавливая действия в нашем теле, соответствующие ситуации из прошлого опыта. Он утверждает, что наше восприятие не возникает из мозга, «мозг находится в материальном мире, материальный мир не находится в мозге». Нервная система является взаимодействием физических элементов, и поэтому само сознание не может быть порождено ею. Он приписывает телу «единственную функцию направлять память к реальному и связывать её с настоящим». С другой стороны, «чистая память» существует независимо от материи, и чем больше нашего прошлого мы можем собрать в настоящем, то есть чем больше мы действуем всем своим Я и живём в моменте, тем больше мы превосходим материальные «сети необходимости», тем свободнее мы становимся. Через своё рассмотрение чистой памяти Бергсон углубляет своё понятие длительности, или реального времени, понимание которого достигается интуицией, так что оно начинает иметь нематериальный, духовный элемент.

Творческая эволюция

В своей третьей книге «Творческая эволюция» (1907) Бергсон применяет своё понятие длительности к философии эволюции, сама идея которой вле-

Современная зарубежная философия
Выпуск 4
Москва, 2026
Кафедра философии ФГЛУ-МСХА

чѐт взгляд на время, в котором прошлое продлевается в настоящее, а не просто один момент заменяет другой. В то же время эта книга развивает его теорию интуиции в метод метафизики, поскольку интуиция времени простирается за пределы человеческой жизни к жизни вообще. Не только наша сущность состоит в том, чтобы длиться в сохранении прошлого в новом настоящем, но то же самое верно для всех организмов. Действительно, Бергсон видит ум как жизненный принцип всей жизни; именно взаимодействие этой «сверхсознательности» и материи составляет эволюцию живых организмов на земле.

В фразе, напоминающей неоплатонизм, Бергсон отмечает, что «если организация является, так сказать, пробуждением материи, то материя может быть только сном ума». В процессе эволюции организмов сознание развило две основные ветви, или два способа действия на материю: инстинкт и интеллект. Поскольку они являются тенденциями, эволюционирующими из общего происхождения, нет полного разрыва, так как каждый всегда сохраняет след другого. Тем не менее, идеальная черта интеллекта — конструирование инструментов из материи, изготовление орудий, тогда как черта инстинкта — использование инструмента, который является частью тела, например, жало скорпиона. Для Бергсона эволюция перепончатокрылых к муравьям и пчѐлам иллюстрирует развитие инстинкта, в то время как эволюция позвоночных иллюстрирует развитие интеллекта (хотя, как уже отмечалось, не может быть чѐтких разделений).

Хотя человеческий интеллект простирается далеко за пределы материи, он тем не менее формируется через эво-

люцию интеллекта вообще, то есть через адаптацию сознания к материи. Интеллект, таким образом, относится к своим объектам, физическим или нет, как к прерывным, неподвижным и делимым; наше концептуальное знание работает над вещами извне, манипулируя ими как объектами. Инстинкт, напротив, имеет отношение к жизни. Он, так сказать, проживает знание жизни изнутри. Он является продолжением процесса организации живой материи, например, как в действиях, предпринимаемых гусеницей в её метаморфозе. Но хотя человеческий ум в первую очередь интеллект, мы всё ещё сохраняем элемент инстинкта, и интуиция является, как отмечает Бергсон, «инстинктом, который стал бескорыстным, самосознательным, способным размышлять о своём объекте и расширять его бесконечно». Инстинкт и интуиция ближе к жизни, чем интеллект. Фактически, интуиция продолжает жизненное движение, «ток сознания», длящийся в потоке подлинной новизны, тогда как интеллект принимает статичный взгляд, оглядывается на то, что уже существует, и видит будущее в терминах прошлого.

«То, как жизнь эволюционировала на земле, зависит от материальных обстоятельств, с которыми она сталкивается».

То, как жизнь эволюционировала на земле, зависит от материальных обстоятельств, с которыми она сталкивается. Мы могли бы эволюционировать, чтобы быть более интуитивными или более интеллектуальными, но, как это случилось, сознанию здесь пришлось адаптироваться в первую очередь к материи, то есть стать по большей части

Бергсон и интуитивное знание Алан Шепард

интеллектом. Однако есть остаток интуиции у людей, который Бергсон считает «смутным и прежде всего прерывистым»:

Это лампа почти угасшая, которая только мерцает время от времени, самое большее на несколько мгновений. Но она мерцает везде, где на карту поставлен жизненный интерес. На нашу личность, на нашу свободу, на место, которое мы занимаем в целом природы, на наше происхождение и, возможно, также на нашу судьбу она бросает свет слабый и колеблющийся, но который тем не менее пронзает тьму ночи, в которой интеллект оставляет нас.

Наш интеллект — всего лишь один аспект жизни, сформированный для понимания и манипулирования инертной материей. Мы можем применять его к пониманию жизни, но, делая это, мы переносим на него формы, которые мы обычно применяем к материи, и переводим его в материальные термины. Интуиция восполняет этот недостаток. Она ставит нас в соприкосновение с нематериальным принципом жизни. В мимолётных прозрениях мы мельком видим более полную и более глубокую истину, и это должно быть фокусом метафизики, поскольку она стремится развить более существенные ответы на жизненные вопросы жизни.

Два источника морали и религии

В своей последней книге «Два источника морали и религии» (1932) Бергсон рассматривает, откуда происходит сознательный принцип, или «творческая энергия», у истока жизни, и как далеко

интуиция может зайти в познании его. Чтобы начать отвечать на эти вопросы, мы должны расширить интуицию ещё дальше и посмотреть, что может сказать нам мистическая интуиция. Для Бергсона сообщение, которое мистики передают нам, заключается в том, что эта творческая энергия есть любовь: «любовь, в которой мистик видит саму сущность Бога». И именно моральное видение, сопровождающее мистический опыт, Бергсон считает, раскрывает глубочайшую метафизическую истину — что огонь любви, который они чувствуют, является самым принципом жизни. Он утверждает, что именно через мистический опыт индивиды постепенно развивали более инклюзивные формы человеческой морали, в противоположность морали, ограниченной исключительно нашей группой или нацией.

«Инстинкт к закрытому обществу и стремление к открытому обществу борются друг с другом в прогрессе цивилизации».

Наш вид изначально был сформирован природой, чтобы жить в маленьких, закрытых обществах, где наша любовь к нашим собратьям основана на социальной сплочённости и враждебности к другим группам. Создание человеческого вида, как и любого, является остановкой на пути эволюции, проверкой тока сознания сопротивлением материи; но та же творческая энергия может быть продолжена за пределы того, что природа «предписала» для нашего вида, в любви, чувствуемой в мистической интуиции, и моральными революционерами, которые видят лучшие и более стоящие способы жизни и тем самым продвигают человечество вперёд.

Современная зарубежная философия
Выпуск 4
Москва, 2026
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Бергсон и интуитивное знание Алан Шепард

Таким образом, инстинкт к закрытому обществу и стремление к открытому обществу борются друг с другом в прогрессе цивилизации. В терминах политических систем, для Бергсона, демократия с её незыблемыми правами для человечества, её братством, наиболее удалена от закрытого общества и имеет свою основу и мотивацию в любви. Есть неизбежные регрессии к нашей более племенной природе, но те, кто испытал нечто от Божьей любви к человечеству, мудрецы, пророки, святые и те, кого они вдохновили, постепенно, как выражается Бергсон, «сломали ворота города», представили открытое общество и повели его осторожное развитие в реальности.

Заключение: Значение интуитивного знания

Через эти четыре основные работы философия Бергсона делает полный и глубокий аргумент в пользу важности интуиции в философском знании. Хотя она укоренена в его основном прозрении о природе времени, философия Бергсона обновляет традицию, столь же старую, как сама философия. Одна из целей философии всегда состояла в том, чтобы попытаться найти более глубокий, более значимый способ бытия. В большей или меньшей степени существует тоска, недостаток, неудовлетворительность в обычной реальности; и различные способы возвышения души в древней мысли, жизни более духовно в религии, принятия аутентичности в экзистенциализме и так далее могут рассматриваться как попытки удовлетворить эту потребность. На протяжении всей истории философии интуиция часто была наиболее высоко ценимой формой зна-

ния, поскольку она помогает нам видеть глубже в природу реальности. Через неё мы можем достичь временного осознания Блага, Единого, Бога, внутреннего знания и участия в истине за пределами её материальных, чувственных форм, слабого мерцания или освещения высшего, нематериального бытия.

«На протяжении всей истории философии интуиция часто была наиболее высоко ценимой формой знания, поскольку она помогает нам видеть глубже в природу реальности».

Философия Канта, которая, как мы видели, в значительной степени является фоном, на котором стоит метафизика Бергсона, запрещала такую метафизическую спекуляцию как выходящую за пределы возможного опыта и, следовательно, знания. Для Канта мы не можем знать вещи, как они есть, потому что нам не хватает способности к интуиции, которая была бы нам нужна для доступа к такому априорному знанию. Философия Бергсона, происходящая из его понятия длительности, возвращает интуицию в опыт и может рассматриваться как своего рода радикальный эмпиризм, который примиряет как реальность нашего опыта, так и объективное знание. Это, я считаю, основная современная философия, которая восстанавливает интуитивную метафизику и, делая это, также оживляет нашу связь с духовной целью большей части прошлой философии и помогает сохранить эту традицию живой.

Важно отметить, что Бергсон не пытается защищать институциональные религии; скорее, он озабочен личным духовным опытом. Для Уильяма Джеймса,

*Современная зарубежная философия
Выпуск 4
Москва, 2026
Кафедра философии РГАУ-МСХА*

Бергсон и интуитивное знание Алан Шепард

который, как и Бергсон, был защитником интуитивного знания, то, что религии имели общего, заключалось в том, что, прислушиваясь к интуиции, мы становимся сознательными, что эта «высшая часть соприкасается и непрерывна с большим того же качества, которое действует во вселенной вне [нас], и с которым [мы] можем поддерживать рабочий контакт и в некотором смысле взойти на борт и спасти [себя], когда всё [наше] низшее бытие развалилось в крушении». Многие из мудрости, переданной нам, утверждает, что красота, истина и добро имеют духовный источник, поэтому, хотя философия должна быть свободна от организованной религии, мы не должны полностью отделять её от духовности в объяснении того, что в конечном счёте имеет значение.

Мы обнаруживаем себя в значительной степени омрачёнными нашей материальной природой, но с духовной сущностью, которая временами просвечивает. Интуитивное знание спонтанно, не является усилием, происходящим в абстрактном дискурсе. И поскольку это форма знания о самой жизни, оно открыто для всех; никакие квалификации не требуются и не возможны, ни интеллектуальная способность не имеет никакого применения в его нахождении (хотя она есть в объяснении и разделении его); фактически, она часто рассматривается как помеха. Хотя мы, возможно, не можем полностью выразить смысл, который мы чувствуем в те редкие мо-

менты прозрения, то, что мы можем извлечь из них, более глубоко и продолжительно, чем что-либо, что может предоставить наш практический интеллект. Это как будто мы находимся над бесконечным или неопределённым лабиринтом на некоторое время, прежде чем снова погрузиться в него. Это моменты более глубокого сознания, где мы обнаруживаем себя внезапно пробуждёнными и погружёнными в длящееся настоящее, счастливыми просто от бытия, и в этой радости бесстрашными и полными доброй воли к жизни.

Критически важно, что поиск интуитивной истины не является отстранённой, частной заботой, потому что он имеет это моральное измерение. Видеть истину — значит превосходить концептуальные и материальные различия, которые разделяют нас, и испытывать единство жизни таким образом, который преобразует нас и переформирует то, как мы живём. В значительной части истории философии метафизика была связана с идеей ума или души, устанавливающей истину, пытаясь схватить нечто высшей природы, фокусируясь на следе более богатой, более божественной природы внутри. Мы обнаруживаем себя в значительной степени омрачёнными нашей материальной природой, но с духовной сущностью, которая временами просвечивает. Именно в эти моменты мы одновременно получаем нечто от истины, наиболее ценной для нас, и нечто от истинной любви, которую мы вынуждены

*Современная зарубежная философия
Выпуск 4
Москва, 2026
Кафедра философии РГСУ-МСХА*

Бергсон и интуитивное знание Алан Шепард

пытаться реализовать в наших образах жизни, наших ценностях и наших институтах. Интуитивное знание всегда незавершённо и несовершенно. Информировать нашу философию им всегда будет

требовать нового усилия, хотя оно напоминает нам о древней мудрости, которую мы, кажется, постоянно забываем или от которой отпадаем.

* Алан Шепард изучал философию в Университете Глазго и является казначеем PSE. Он живёт на северо-востоке Англии.

Впервые опубликовано онлайн 14 сентября 2025 года

Перевод статьи Алана Шепарда «Bergson and Intuitive Knowledge»

*Современная зарубежная философия
Выпуск 4
Москва, 2026
Кафедра философии РГГУ-МСХА*

